

“РУССКАЯ ИДЕЯ” КАК КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Специфика складывания российского культурно-исторического типа (цивилизации) определялась многими факторами, и прежде всего природно-географическим. Более континентальный, нежели в Западной Европе, климат сказался на устойчивости общины; открытость естественных границ — на военно-имперской внешней политике и т. д. Идеологическое выражение эта специфика нашла в так называемой “русской идее”. Ее оформление связывают с разными периодами: VIII, IX, X, XIV, XV, XVI, началом XVII, началом XVIII и даже с XIX вв. Однако начало ее формирования в качестве ментальной установки и стержня государственной идеологии, как нам кажется, приходится на рубеж XV—XVI вв., т. е. период становления России как централизованного суверенного государства.

Самоназвание “Россия” появляется в конце XV в. Большое влияние на складывание государственной идеологии оказали послания к Василию III и др. труды старца Филофея, в которых он впервые именуется Великого князя царем, формулирует тезис о “Москве — третьем Риме” и ряд других идей самодержавно-имперского и религиозного характера (См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. Вып. 6.).

Развитие и кристаллизация “русской идеи” происходит в XVI в. Сопоставление различных субъективных и объективных (внешних) для российского социума факторов, действовавших в то время, дает возможность уточнить механизм включения разных компонентов в эту идею. Например, самодержавие, в отличие от Западной Европы, стимулировалось не экономическим (потребности национального рынка), а внешне-политическим факторов. Крепостничество, исторически не характерное для русского менталитета, объясняется не идеологическими соображениями, не “социальным заказом” помещиков, а больше — территориально-экономическими моментами, такими как экстенсивный характер сельского хозяйства, резкое расширение границ за счет земель бывшей Золотой Орды, потребности Западной Европы в сырье и хлебе.

Характер образования Российской Империи в XVI в. (название появится при Петре), который можно выразить формулой: “колонизация без активной ассимиляции” — объясняет несколько странную культурную традицию России: сочетание

межконфессиональной веротерпимости с внутриконфессиональной нетерпимостью. Первое объясняется потребностью поддержания межэтнического мира на большой территории, второе — преимущественно государственным характером Русской православной церкви и необходимостью борьбы с ересями и двоеверием. Таким образом, можно констатировать, что “русская идея” отражала суть государственной идеологии и одновременно ее взаимосвязь с социальной психологией русского общества XVI—XVII вв.

Петровские преобразования, казалось бы, нарушили органичность “русской идеи” (по мнению некоторых исследователей, вообще ее перечеркнули). Коммунистический интернационализм часто представляется ее антиподом. Тем не менее, на наш взгляд, обе названные идеологии были, пусть несколько необычными, вариантами функционирования и развития “русской идеи”. Целью той и другой революции “сверху” была не модернизация общества по западному типу, а осуществление некоего трансцендентного мессианско-эсхатологического идеала.

“Русская идея” никогда не была и, вероятно, не будет узконациональной. Часто она выражалась понятием “Святая Русь” — это память о Киевской Руси, о культурно-историческом единстве восточных славян. Несмотря на недружелюбное отношение Петра к церкви, стремление превратить клир в чиновников, православно-мессианские установки играли в его действиях существенную роль.

“Западничество” Петра было лишь формой реализации целей-ценностей, заложенных в “русской идее”. И заимствование иностранных культурных ценностей носит в основном внешний характер и потому эти ценности сравнительно быстро адаптируются или даже ассимилируются местной культурной средой, оно не проходит бесследно, внося коррекцию в “русскую идею”. Так, XVIII в. четко обозначил ценностную переориентацию России с Востока на Запад. Однако такая ориентация носит исторический характер, ограниченный XVIII—XX вв. К тому же евро-американские культурные образцы играли для России не целеполагающую, а оценочную, иногда ценностно-нормативную роль.

С учетом вышеизложенного сегодня можно анализировать эволюцию общественного сознания советского периода. Прозападническая “мутация” “русской идеи” в XX в. была достаточно закономерна в плане заимствования идей рационализма, меркантилизма, гуманизма, атеизма, демократии, либера-

лизма, социализма и др. Выбор конкретных ценностей и их иерархия диктовались сменой конкретно-исторических ситуаций в России, т. е. специфическим сочетанием объективных и закономерных факторов, с одной стороны; субъективных (роль В. И. Ленина и др.) и случайных (кризис, порожденный войной и др.) — с другой.

На первый взгляд, марксизм с его атеизмом, рационализмом и пролетарским социализмом совершенно не соответствовал российскому менталитету. Однако постепенно значительная часть общества ее приняла, так как ряд базовых ценностей установок марксизма вполне соответствовал “русской идее”: коллективизм, справедливость, провиденциализм и мессианство. Единственное, что принципиально не стыковалось с русской культурной традицией — это атеизм. К 30-м годам это противоречие разрешилось превращением марксизма в государственно-политическую квазирелигию. Религиозность, часто с несколько языческим оттенком, насквозь пронизывает идеологию, практику воспитательной работы и в целом советскую культуру, особенно в 30—50-е гг.

Нынешняя модернизация не смогла сколько-нибудь заметно изменить менталитет россиян. Отсутствие достаточно обоснованной государственной идеологии, приемлемой большинством или хотя бы социально-активным меньшинством, достаточным для проведения реформ, эклектичная система ценностей элиты и другие моменты — ставят на повестку дня вопрос о возрождении “русской идеи”. Государственная идеология, построенная на этой идее, должна опираться на такие базовые ценности, как коллективизм, соборность, религиозность, иерархичность, патриотизм, мессианство.

Но от того, в какой конкретно форме станут прокламироваться эти ценности, во многом будут зависеть и продуктивность новой идеологии и судьба страны. Например, патриотизм можно представить в качестве национализма и в таком виде вывести в иерархии ценностей на первое место. Между тем цивилизации, в том числе и российская, создавались на межэтнической основе (что не исключало ведущей роли одного этноса). Непонимание этого и превращение “русской идеи” в “русскую национальную идею” ничего, кроме проблем, России не принесет. Кроме того, новая идеология должна более-менее непротиворечиво включить в себя ценности, наработанные в современном мире и перспективные для будущего — информационные, экологические и т. д.